

Теракты и общественное мнение

Владислав Долгий,
кандидат социологических наук

*“Наши страсти делают мир живым.
Наши коллективные страсти созидают
историю человечества. Ни одно общественно-политическое начинание не может отлиться в жесткие формы государственных границ, правительств, армии, флота, школ и дорог, законов и постановлений, до тех пор, пока людине дадут своим коллективным страстям объединить себя.*

Разные правительства, разные цивилизации будут культивировать и эксплуатировать их, или наоборот, подавлять и ограничивать те или иные страсти нашей души...”

Огейн Розеншток-Хюсси

“Великие революции.

Автобиография западного человека”

Террористические акты еще в большей мере, чем агитационные кампании, способны оказывать влияние на общественное мнение, так как подвергают его воздействию весьма чувствительных раздражителей. Они приносят в сознание широких масс озабоченность и возмущение, создавая тем самым благоприятную среду для распространения политических призывов или этических предписаний. При определенных обстоятельствах этого достаточно, чтобы спровоцировать конфликт в системе общепринятых ценностей, инициировать процессы их переосмысления в выгодном для заинтересованных сил направлении.

Этот процесс имеет форму циклического движения, отправной точкой которого являются спонтанные реакции огромного количества людей на действия террористов. Их замыкающей выступает общественное признание определенных идеологических концепций, юридических актов, моральных воззрений. Он может длиться от десятка календарных месяцев до жизни целых поколений. Хотя его итоги и продолжительность зависят, в конечном счете, от остроты сопутствующих социально-экономических проблем, религиозных, этнических или геополитических разногласий. Террористическая деятельность иг-

рает, однако, в данном случае свою, особую роль катализатора политических, классовых и иных трений, позволяет вырваться наружу фобиям и протестным настроениям, сдерживаемым до определенного момента общественными отношениями. Ее дестабилизирующее влияние на равновесие сложившихся взглядов и нравов происходит вне зависимости от того, ставится осознанно такая цель или нет. В подобных условиях возникают предпосылки для популяризации идеологических течений, пользовавшихся ранее успехом в основном в маргинальных кругах.

Наиболее масштабными и массовыми становятся террористические объединения, выросшие из просветительских и миссионерских традиций.

Так, пропагандистские демарши "Земли и Воли" и "Черного передела" привели сотни русских интеллигентов-разночинцев в XIX в. в анархические, а затем марксистские группировки. Многочисленные последователи джихада в арабском мире, как и иранские фундаменталисты, появились благодаря активности исламистских проповедников.

Популярность террористических методов имеет тенденцию к росту по мере ограничения у их адептов доступа к открытой и равноправной полемике со своими оппонентами. Поэтому, как правило, наибольшей востребованностью эти методы пользуются у подпольных экстремистских организаций со скромным финансированием, для которых терроризм является практически единственным способом привлечь к себе внимание общественности, попытаться обратить ее из пассивного наблюдателя в активного союзника.

Терроризм как метод воздействия на сознание общества проявляется как умение превращать вероломные убийства в акт героической борьбы, или наполнять их каким-либо иным высоким смыслом. Ключевым фактором становится способность внедрить в общепринятые представления идеологические догмы, которые отвечали бы чаяниям и ожиданиям широких слоев населения и оправдывали бы проявления их агрессивных инстинктов, предлагая логичное и недвусмысленное объяснение событий. Эти догмы в большинстве своем имеют социально-философскую, религиозную или национально-патри-

отическую окраску, что, в принципе, не исключает существования и других разновидностей.

Плодами таких усилий становятся довольно пестрый перечень учений и принципов, черпающих жизнестойкость в образах героев-мучеников, тираноборцев, самодостаточных нигилистов и т.п. Наиболее дальновидные из участников этого процесса изначально придают предлагаемым ими идейным постулатам достаточную универсальность и гибкость с тем, чтобы со временем они могли отвечать меняющейся конъюнктуре ожиданий их последователей. Однако каким бы ни было их концептуальное обрамление, его ценность с точки зрения конечных целей террора определяется способностью резонировать с подавляемыми социумом амбициями, преобразовать заостреннее чувство угнетенности в каскад освободившихся страстей и наоборот.

Террористическим группировкам, которые делают расчет на результативную обработку общественного и индивидуального сознания, приходится считаться с носителями конфронтационных идей, как минимум, с трех точек зрения. Первая из которых объединяет их активных сторонников и сочувствующих. Вторая – тех, кто не приемлет лозунги террористов. К третьей же относятся люди со значительно атрофирован-

ным чувством социальной ответственности, которые склоняются в пользу более успешной из противостоящих сторон.

Пропорциональное распределение представителей этих трех страт зависит от конкретного случая, а их географическое нахождение может не совпадать с границами страны и даже региона. Так, террористические организации, за которыми стоят национальные меньшинства, как правило, делают расчет на консолидацию своей диаспоры за рубежом. Некоторые исламистские формирования в борьбе за источники финансирования стремятся произвести впечатление, на элиты арабских стран.

Энергия громадной людской массы, пребывающей в нервном возмущении, становится объектом притязаний не только террористических движений, но и других сколько-нибудь значительных сил от политических партий до религиозных сект. Каждая из них стремится получить право на ее эксплуатацию, для чего по мере возможностей создает собственные идеологические ниши, пытаясь с их помощью получить рычаги управления мыслями и действиями выбитого из равновесия общества. Однако практические шаги многих из таких структур предопределены особенностями их положения в конъюнктуре политических и общественных объединений.

В подавляющем большинстве случаев правящим кругам ничего не остается, как призывать общество к консолидации вокруг установленного порядка. Оппозиционным партиям приходится критиковать их курс, указывая на неспособность обеспечивать безопасность граждан, а неформальным молодежным и религиозным организациям отстаивать свое видение ситуации. Эти меры в целом вполне обоснованы, так как

при появлении депрессивных явлений в социально-экономической сфере и в условиях неоднородности политического ландшафта последствия терактов могут привести к существенному перераспределению баланса общественных симпатий и антипатий.

Подверженность влиянию террористических актов сознание различных социальных групп определяется преобладающими в их среде ценностными ориентирами, стереотипами мышления и поведения. Наиболее чувствительными в этом смысле являются те слои общества, у которых сильны критические и негативные настроения по отношению к окружающим реалиям. Вместе с тем у них сохраняются надежды на улучшение своего положения, часто не связанные с конкретными планами, а потому опирающиеся на утопические домыслы. Этим объясняется восприимчивость к террористическим призывам образованной, но малоимущей молодежи, не сумевшей найти себе полноценное применение в жизни.

Для боевых экстремистских организаций эта социально-демографическая группа представляет превосходную среду для рекрутирования новых членов. Она также является наиболее мощным транслятором для выдвигаемых террористами лозунгов. Её провокационно агрессивная субкультура в обществе, пораженном терроризмом, значительно способствует обострению идейных разногласий.

Эта закономерность прослеживается практически в любой социально-культурной среде и обнаруживает себя во всех социально-политиче-

ских системах, где терроризм стал массовым явлением.

Во время развития революционного движения в России многочисленные разночинцы, чей средний возраст не превышал 27 лет, при любом удобном случае стремились бросить вызов интеллектуальному лидерству дворянства и церкви.

Не имея практически никаких шансов интегрироваться в элиту и быть услышанными, они оказывались в положении, которое способствовало переходу фрондерских настроений в агрессивное неприятие реалий, открывало дорогу в ряды анархических, социал-революционных и марксистских группировок.

Неудовлетворенность своим положением и потребность в самореализации настолько захватывала их, что не просто создала условия для широкого сочувствия террору. На определенном этапе это вылилось в практику вылазок, проводимых боевиками-одиночками. Чувством неостребованности пронизывает признания, сделанные некоторыми из них. "У меня был наган и я чувствовал, что сейчас же с оружием в руках можно начать борьбу за социализм"¹.

Еще красочнее случай с эсером Лаговским, задумавшим самостоятельно совершить покушение на Победоносцева. "В бесплодных попытках выследить Победоносцева он остался без гроша в кармане, мучимый голодом и бессонницей, измотавшийся, нервно уставший, доведенный почти до отчаяния..."¹. В итоге Лаговский не нашел ничего лучшего, как выстрелить из пистолета в окно государственного чиновника.

Участие ущемленной безденежьем и безработицей арабской молодежи, прошедшей обучение в религиозных университетах, стало решающим для появления того разнообразия исламистских течений, которое наблюдается в мире с конца XX в. Для этих людей, отброшенных на периферию жизни третьего мира, как ни для кого другого символическое значе-

ние терактов состояло в призыве к действию.

Буйную толпу палестинской интифады составляли и продолжают составлять в основном те, чей возраст не превышал 25 лет. "Хезболла", созданная из членов шиитской общины, довольно искусно поставила себе на службу культ мученичества, характерный для этого направления ислама и потому не испытывала недостатка в смертниках-камикадзе из числа молодых людей. Несколько иные методы, но те же принципы использовал Исламский фронт спасения, следовавший наиболее распространенной в Алжире суннитской традиции.

Подобным же образом из учащихся медресе было сформировано движение "Талибан", позволявшее себе укрывать одиозных исламистов и вести крупные военные операции.

Отчужденность социально активных молодых людей превращает их в удобный объект идеологических манипуляций не только в странах с невысоким уровнем жизни. Рост как правых ультранационалистических элементов, так и левых троцкистских, анархических и иных группировок в странах Европы был и остается связан с уровнем занятости молодежи, способностью государства предоставлять выпускникам вузов рабочие места, отвечающие их профессиональным и творческим амбициям.

Наиболее очевидным подтверждением тому стали во второй половине XX в. всплески активности в ФРГ, Италии и др. странах "Красных бригад", "Фракции Красной Армии" и некоторых других подобных им организаций. Относительное благополучие развитых стран позволяло им в целом избежать повсеместного появления широко разветвленных террористических сетей, что не исключает изменения ситуации по мере оседания на их территории гигантских миграционных потоков из стран третьего мира.

Высокая подверженность влиянию терактов прослеживается в сознании и остальных малоимущих и обездоленных классов, безработных, занятых низко оплачиваемым трудом, не имеющих высокой квалификации, или не владеющих профессиями. Однако в отличие от бедной образованной молодежи, эта, в целом, более возрастная категория не так чувствительна к революционным концепциям и сконцентрирована, в основном, на повседневных бытовых проблемах, чем и определяются особенности ее поведенческой модели.

Представители низкооплачиваемого пролетариата и люмпенизированных слоев сталкиваются с проблемой качества своей повседневной жизни и стеснены своим положением в низших эшелонах общественной иерархии. Их более приземленные, чем у студенчества, ожидания концентрируются в основном на получении доступа к имущественным привилегиям, имеющимся у других сословий, а их амбиции находят свое выражение в агрессивной критике институтов власти.

Данный контингент, если он ощущает себя потенциальной жертвой террористических угроз, склонен, как никто другой, осуждать государство за недостаточное усердие в защите населения. Таким образом, он проецирует перманентное недовольство своим положением, которому, в данном случае, можно дать выход в виде возмущения неспособностью власти предотвращать теракты, неквалифицированными действиями силовых структур, ошибочностью политического курса, ведущего к конфронтации и т.п.

Исследование Института социологии РАН зафиксировало эту закономерность.

На вопрос: *Как респонденты оценивают работу силовых структур?* Был дан ответ: "Пол, возраст, образование в данном случае на результатах не сказались. Разве что меньше всех были довольны малообеспеченные граждане с доходом менее 1500 руб. на члена семьи"².

В случае, когда осуществляемые террористами взрывы и покушения используются для инспирации массовых волнений и беспорядков, неимущие классы, как и студенчество, с готовностью поддерживают такого рода призывы. Однако если университетская молодежь чаще увлечена идеологическими посылами и по этой причине тяготеет к целенаправленному участию в террористических движениях, то менее образованные городские низы преимущественно дают спонтанный выход накопившейся агрессии.

Их способность к самоорганизации значительно слабее, а к объединительным идеям они относятся с врожденным скепсисом. В условиях отсутствия политических сил, способных направить в определенное русло их активный протест, он приобретает форму непредсказуемого, разрушительного и бессмысленного бунта.

Это не меняет существующего положения дел. Яркий пример – беднейшие страны третьего мира, например, Гвинея-Конакри, где примерно раз в десятилетие многочисленная толпа потомственных нищих устраивает погромы, не выдвигая никаких реалистичных требований. Не редко, спустя три-четыре дня, погромщики расходятся по домам, прославляя правительство, которое до того собирались свергать.

В целом, контингент, образующий этот сегмент общественного мнения чутко реагирует на сообщения о терактах, которые в отдельных случаях позволяют ему заявить о не-

довольстве своим положением. Но если его возмущение не находит концептуального оформления, по возможности в виде идеологической догмы, оно в лучшем случае проявляет себя как всплеск негативных эмоций и никак не сказывается на эволюции общепринятых ценностей.

В периоды экономической стагнации теракты могут вызвать обостренные оппортунистические настроения у буржуазии, для которой характерна приверженность спокойствию и стабильности. Озабоченность возможными потерями прибылей, снижением темпов финансовой и экономической активности, отсутствием перспектив развития располагает бизнес к партнерству с материально ущемленными классами. Владельцев капиталов привлекает возможность их использования для давления на правящую элиту с целью пересмотра неблагоприятной для предпринимательства ситуации. Видя в террористических актах эффективный, хотя и этически неправомерный, путь к стимулированию протестных настроений социальных групп со скромным и очень скромным бюджетом, отдельные представители торгово-промышленных кругов могут решиться на субсидирование боевых экстремистских организаций, оказание им информационной и технической поддержки.

Тем не менее, такой поворот событий является скорее отклонением от нормы, которая предполагает отрицательное отношение состоятельных людей к террористической деятельности и порождаемым ею нежелательным рискам. Эта социальная группа может принимать как курс на силовое противодействие террору,

так и тактику переговоров с экстремистами в зависимости от того, насколько это способствует поддержанию деловой активности.

Уровень личной безопасности представителей буржуазии в целом выше, чем у остального населения: их образ жизни, как правило, не связан с общественным транспортом и местами плотного скопления людей, они могут себе позволить услуги охранных агентств. Это накладывает свой отпечаток на видение террористических угроз, среди которых наиболее опасными им представляются покушения на государственных деятелей, а также нападения на учреждения.

Таким образом, реагируя на теракты, деловые круги реализуют свои ожидания в уверенной и последовательной позиции государства, отстаивающего их интересы, не проявляя при этом чрезмерно высокой эмоциональной напряженности и ограничиваясь моральной солидарностью с возможными жертвами и потерпевшими.

Резкость и глубина впечатлений от террористических актов снижаются по мере удаления от густонаселенных мегаполисов и приобретают почти аморфные очертания в отдаленных сельских районах. Для жителей уединенных хуторов, схожих с ними в этом смысле смотрителей таежных угодий или кочующих в тундре оленеводов, это почти потустороннее явление, весьма фрагментарно связанное с их непосредственной жизнью.

Придерживаясь в целом отстраненного отношения к акциям политического насилия, они однозначно не отождествляют себя ни с одной из противоборствующих сторон, оставаясь практически невосприимчивыми к идеологическим призывам.

Находясь в таком положении и составляя невысокий процент от общего количества населения развитых стран, эта категория оказывает слабое, почти символическое, влияние на состояние общественного мнения.

Заметную роль в формировании социальных стереотипов, связанных с реакцией на теракты играют электронные и печатные СМИ, PR-структуры и соответствующие исследовательские центры. Значительные объемы информации, внедряемые ими в общественное сознание, задают рамки понимания текущих событий, подводят рядового обывателя к определенному видению целей и масштабов деятельности террористов. До некоторого предела это позволяет влиять на распределение симпатий и антипатий, усиливать или ослаблять агрессивные настроения, в особенности, если в распространяемых материалах допускаются отклонения от полноты и достоверности исходных данных.

Однако, взаимодействуя с политическими силами, медиа-сообщество само находится в положении потребителя информации, которую зачастую просто передает по каналам СМИ. В большинстве случаев оно изначально не является первоисточником сведений, предлагаемых широкой общественности, а лишь обнаруживает данные, полученные от спецслужб, и оценочные суждения, исходящие из экспертных кругов. В равной мере это касается и ситуаций с заявлениями террористических организаций, которые появляются в Интер-

нете и просачиваются через телефонные звонки.

К тому же возможности прессы недостаточно велики для того, чтобы сделать отношение к терроризму исключительно продуктом своей информационно-пропагандистской работы. Последнее, в конечном счете, складывается из базовых потребностей и коренных интересов основных классов и сословий, образующих социум. Кампании же в печати едва ли могут навязать идеи анархизма финансовым олигархам или подавить расистские настроения в экономически депрессивных анклавах.

Особое значение в этом плане приобретают образовательные учреждения, религиозные кафедры и другие инстанции, закладывающие основы мировоззрения и ценностные ориентиры. Ими обозначаются пределы оправданного насилия и допустимой терпимости, одобряются нормы поведения, в том числе в ситуациях, продиктованных наличием серьезных угроз.

Тем самым создаются те формы самовыражения, на которых останавливает свой выбор население, спровоцированное террором. Таким путем предопределяется направленность и интенсивность реакции общественного мнения. Соответственно изменения в состоянии этих социальных институтов могут привести как к большей уязвимости общества перед негативным влиянием террора, так и, наоборот, сделать его более уверенным и защищенным.

Примечания

¹ Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность / Под ред. С.Е.Вицина. М. Воронеж: ВИ МВД России, 1999.

² Российская газета. 2006. 26 мая.